

этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразия! Что за пустяки!» (8, 323). Но вот что знаменательно и принципиально важно в контексте сравнения героя Тургенева и героя Достоевского: «в этом атоме, в этой математической точке», остро и болезненно ощущающей свое экзистенциальное одиночество, ни на минуту не возникает мысль о вседозволенности, которую Достоевский навязывает-приписывает атеистам. В соответствии с логикой творчества писателя, Д. Мережковский объясняет случившееся с Раскольниковым тем, что он «забыл о Боге», и вменяет ему «первородный грех русского „либерализма“, до сей поры еще не искупленный грех всего поколения русских шестидесятих годов: отрицание не как плод мысли, а как плод отсутствия всякой мысли о Боге, как школьническое удалство и шалость, как совершенная умственная плоскость и пошлость, как религиозное вырождение и одичание».³² Для Базарова бога нет, но это отнюдь не оборачивается «умственной плоскостью и пошлостью» и совсем не означает свободы от нравственных обязательств перед другими людьми. Наоборот, ценность жизни, в виду грозящей ее поглотить пустоты, становится очевиднее: «Каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно под ним разверзнуться может, а он еще сам придумывает себе всякие неприятности, портит свою жизнь» (8, 306). Базаров, как и Раскольников, как и всякий яркий человек, понимает, не может не понимать разницы между собой и другими, вольно или невольно производит деление людей на «разряды». Он совершенно обоснованно дистанцируется от «мякенького, либерального барича» Аркадия (8, 380—381). «Олух» Ситников ему нужен, ибо «не богам же в самом деле горшки обжигать», как говорит он Аркадию, которому «открылась на миг вся бездонная пропасть базаровского самолюбия» (8, 304), а в авторском отступлении, комментирующем приезд в дом Одинцовой «молодого прогрессиста», в свою очередь, сказано: «Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабывчивые чувства, напоминая им свое близкое родство с ними» (8, 302). Таким образом, градация получает подтверждение, объективируется. На замечание же Аркадия о том, что ощущение собственной ничтожности, атомарности «применяется вообще ко всем людям», Базаров отвечает: «Я хотел сказать, что они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит... а я... я чувствую только скуку да злость» (8, 323). Это одно из самых точных определений отличия масштабной, сложной, глубокой личности от «обыкновенных» людей, которое в трансформированном виде отзовется в словах Раскольникова: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» (6, 203).

Однако ощущение собственного масштаба не мешает Базарову любить своих родителей, при том что он не очень их балует вниманием и лаской, считать их замечательными людьми и, умирая, уходя в никуда, заботиться о том, чтобы хоть как-то, чем-то — религией, которая *в них сильна*, помощью Одинцовой — смягчить для них ужас своего ухода. В отличие от Раскольникова, которого мать, напрягаясь из последних сил, поддерживала денежными посылками, Базаров у родителей «отроду лишней копейки не взял» (8, 320), не гнушаясь, судя по всему, тем самым заработком, которым пробавляется Разумихин и до которого не снисходит Раскольников, жаждущий получить «сразу весь капитал» (6, 27). Несмотря на «бездонную пропасть» (8, 304) своего самолюбия, Базаров убежден: «...это дело другого разбирать, какая моя цена», в

³² Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 211.